

МЕРАЙЛИ

НАЧАЛО

1972 ... 1979

© Мерайли, 1972–1979

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2011

© Ольга Романова, графика титульного листа. 2005

<http://unism.pjwb.org/mer/index.htm>

<http://unism.pjwb.net/mer/index.htm>

<http://unism.narod.ru/mer/index.htm>

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

Посвящается всем и всему,
что давало мне силы
всегда видеть
будущее —
которое лучше.

* * *

С чего начать? Зачем — начать? Когда?
Стою у трех дорог: какую выбрать?
Тысячелетий мраморная глыба
Вещает о невзгодах и трудах:

Пойдешь направо — убежишь от драки,
Но совесть одиночеством взойдет:
Будешь влачить тоски и страха гнет,
Завидуя паршивейшей собаке.

Налево — суета побед и слав,
Официального Пегаса стойло...
Там стряпают из слов такое пойло,
Что посмертальной самых злых отрав!

А прямо — путь сквозь заросли сомнений,
Тернистая дорога в никуда;
И первый шаг по ней, и шаг последний —
Три страшных слова: как? зачем? когда?

Теперь иди.

Но, чтобы выбор твой был не случайным,
Чтобы потом душою не кривить,
Пройди сквозь пламя мысли и любви,
Сквозь боль воспоминаний и прощаний.

июль 1979

Ноктюрн

Ночь. Застыло время, устав от бега.
Легкий ветер, мягкие блики света.
Чуть заметный скрип голубого снега.
Еле слышный гул самолета где-то.

март 1973

Пессимистическое

Все изменяется, течет...
Жизнь — как одно мгновение:
Как искра, вспыхнет, промелькнет —
И ты уже добыча тления.
 Холодным прахом заметет
 Ненужные теперь заботы.
 Свое, чужое — все уйдет,
 Другая жизнь займет пустоты.
Исчезнет враг, изменит друг —
И бытие лишилось смысла.
Вонзится в плоть слепой недуг,
И мысль — на ниточке повисла.
 Зачем же век тогда пройдет?
 Зачем ненужные стремления?
 Зачем богатство и почет?
 Зачем пустые восхваления?
Никто нас в прошлом не найдет,
И мир живых о нас забудет.
А кто придет, тот вновь уйдет —
Так было, есть и вечно будет.
 Куда стремимся мы тогда,
 Где цель, что манит за собою?
 Все исчезает без следа...
 Нас тоже тьма навеки скроет.
Свет, для которого живем, —
Мираж в безжалостной пустыне;
К нему стремясь, мы в путь уйдем —
И в том пути бесследно сгинем.
 Бесплотный образ позовет
 Приманкою духовной пищи...
 Никто не знает, что нас ждет,
 Чего хотим мы, что мы ищем.

И вот, стремимся в пустоту:
Кто за умом, а кто за властью...
Где перешли мы ту черту,
После которой гибнет счастье?
Вновь нас течение несет,
Колеблет ветра дуновение —
Все изменяется, течет,
Жизнь — как одно мгновение.

1972

Прощание с прошлым

Снова ветер мне принес на крыле
Тихой грусти светлый туман.
Утонуло сердце в синей мгле,
И нахлынул дум караван.

Я опять пытаюсь что-то найти —
Но не знаю ни судьбы, ни пути.
Не могу я ни прийти, ни уйти —
Мне свободный выбор не дан.

Места в мире больше нет для мечты,
Нет ни истины в нем, ни красоты,
Сердца холодны, а души пусты,
За словами спрятан обман.

Стало суетно вокруг и темно —
Будто радость затворила окно.
Мне причины не понять все равно —
Закружил меня ураган.

Память будущего ветром снесло,
Время боли и сомнений пришло,
И годами Мерайли замело —
Намело огромный курган.

сентябрь 1973

Навстречу

Любовь веками славили поэты...

Любовь... Ты своенравною рукой
Роняешь в души бархатные стрелы,
В прекрасное — яд добавляешь свой,
Чтобы сердце адским светом загорелось,
Чтобы рвался пеною огонь страстей,
Чтобы губы дали в сотый раз обеты,
Чтобы всякой боли сны стали больней —
Такой тебя прославили поэты.

Любовь... Страшнее тысячи смертей,
Ты разбиваешь жизни, как кувшины,
Едва коснувшись мантией своей.
А сердце человека не из глины!
Чем он перед тобою виноват?
Напрасно спрашивать — не даст ответа!
И как клинок кровавый каждый взгляд.
Такой тебя прославили поэты.

Любовь... Прекрасных губ тяжелый вздох,
Потухший взор... Тебе разлуки мало!
Чтобы человек без мук шагнуть не мог,
Чтобы сердце жизнью биться перестало,
Ты хочешь — этого? Так что же? Возьми, бери!
Глаза уже давно не видят света.
Перед тобою нищие цари.
Такой тебя прославили поэты.

Любовь... Ослепший разум рвется ввысь,
В припадке сил сворачивает горы...
А после — обессиленная жизнь,
Тоска и ревность, мелочные ссоры...

Постой, остановись, не подходи!
Я чувствую: ты бродишь рядом где-то.
Уйди! Исчезни! Скройся! Пропади!
Зачем тебя прославили поэты!

июнь 1973

Я и мир

Что я? Сплошной клубок противоречий.
Во мне кричат, друг друга оттеняя,
Десятки чувств на тысячах наречий.
А мир? Он отражение меня.

Что я? Кусочек атома Вселенной,
Непрочный сплав покоя и огня,
Невечный, как и все, и столь же тленный.
А мир? Ведь он таков же, как и я!

Что я? Слепого бытия частица,
Слабый тростник, по прихоти живой,
Дерзающий парить над миром птицей...
А мир? Он не считается со мной.

Что я? Вся жизнь моя проходит разом,
Неясная мне даже самому.
А в утешение — бесполезный разум...
А мир? Он не понятен никому.

Что я? Ответа я так и не знаю.
Да и зачем мне узнавать его?
Придет пора — и я, как снег, растаю.
А мир? Он не заметит ничего.

июль 1973

Дорога в никуда

Я устал, не могу заглянуть
За предел, где теряется путь.
Никогда не понять никому,
Где замедлить шаг, где свернуть.

Эй, откройся хоть одному,
Расскажи о дороге ему,
Чтобы он вел за собою людей,
Чтобы пройти хоть одному.

Но — молчание. Даль все темней,
И ветров завывание злей —
Словно шепчет неведомо кто:
Сам пройди, пробиться сумей.

Впереди пустота и ничто,
Прежних струн оборванный стон.
А вокруг темнота, темнота...
Захолустный забытый притон.

И кричит, зовет пустота:
Загляни в прожитые года
И смелее иди, не дремли —
Через вечность придешь в никуда.

И бреду я в грязи и пыли
Суеверий и правд земли...
Неизвестность мерцает вдали,
Как последний маяк Мерайли.

1972

Сонет

Пройдут века — и наш остынет след.
Но вот однажды, роясь в старом хламе,
Потомок дальний пробежит глазами
Старинный, полувыцветший сонет.

И на мгновение задумается он
О том, какими эти люди были,
О чем они мечтали, что любили,
Как чувствовали жизнь — и связь времен.

Все далеко — и не найти корней.
И только в ровной музыке сонета
Чуть слышен отзвук позабытых дней...

И вдруг, взрывая времени пласты,
В потомках строки нашего поэта
Пробудят наши мысли и мечты.

март 1974

Я и Она

За что ее люблю — не знаю сам.
Быть может, за неясное волнение,
За сердце, рвущееся к небесам

При встрече с ней? Приятней ощущения
Я не ищу на жизненном пути.
И каждый раз, скрывая нетерпение,

Я до конца готов за ней идти.
А может быть, она меня пленила
Тем, что умеет людям свет нести?

В ней есть такая жизненность и сила,
Что никакому ветру не задуть
Ее огня. И, что бы ни случилось,

Она всегда мне освещает путь.
А может быть, она — мое призвание?
А может быть — смогу когда-нибудь

Приблизиться и вымолвить признание? —
И дальше вместе с ней идти всегда.
Входящие, оставьте упования!..

Да, такова она. моя звезда:
Кто раз ее увидел — не вернется
Ни завтра, ни потом, и никогда —

Пока дорога вдруг не оборвется.
Долга тропа, неслыханно трудна,
И редко кто в пучину не сорвется —

И все-таки она всегда одна.
И я иду вперед — пусть безнадежно,
Пусть победа мне не суждена —

Но жить иначе — просто невозможно.

март 1974

Воспоминание (1)

Все равно, все равно, все равно
Ничего не вернуть.
Все прошло, все прошло давно —
Навсегда забудь.
Далеко, далеко, далеко
Слезы льют дожди,
И снежинки летят легко —
Только ты не жди.
Не найти, не найти, не найти
К ней дороги вновь.
Никуда, никуда не уйти —
Такова любовь.

Но опять, но опять, опять
Я чего-то жду,
Продолжаю ее искать —
Может быть, найду?
Для чего, для чего, для чего
Мне иначе жить?
Время движется оттого
Что нельзя забыть.
Заметет, закружит, зазвенит
Вьюга белых лет...
Фотокарточка-память хранит
Ее портрет.

декабрь 1974

Оптимистическое

Так было, есть, и будет так веками:
 Пока хотя бы в едином существе
 Теплится что-то слабыми ростками,
 Жизнь бьет ключом — и все по голове.
 Свои невзгоды проклиная громко,
 Не забывай: ведь ты же человек!
 И пусть необразованным потомкам
 Жизнь бьет ключом по длинной голове.
 Хоть временами в петлю тянет сильно,
 Не торопись — минуту или две
 Подумай: все тебе дано обильно,
 Жизнь бьет ключом — хоть и по голове.
 Как хорошо, когда всеислен разум,
 И мысли бродят в сером веществе,
 И можно думать, как спокойно, раз за разом,
 Жизнь бьет ключом, да все по голове...
 На свете много городов красивых:
 Москва-столица, Питер-на-Неве... —
 Бери и выбирай. И будь счастливым:
 Жизнь бьет ключом — и все по голове.
 Что кайф, увы, не вечен — это, право,
 Не так уж важно в наш безумный век.
 Плевать на вечность, истину и славу! —
 Жизнь бьет ключом! и все по голове!
 Вперед, не сомневайся в своих силах.
 Будь оптимистом — и ползи на свет.
 А чтобы на всю жизнь его хватило,
 Жизнь бьет ключом — и все по голове.
 Дыши, твори — грызи гранит и сети!
 Все можно сделать, дать всему ответ.
 И пусть на нашей маленькой планете
 Жизнь бьет ключом. И все по голове.

март 1975

* * *

Я не верю в силу Провидения.
Я не верю в правду добрых снов.
Я не верю в веру без сомнения.
Я не верю в умных дураков.

Верю я в реальность невозможного.
Верю свято в истину идей.
Верю в красоту, любовь, гармонию.
Верю в Человека — и в людей.

ноябрь 1975

Вырвалось

Нарежьте речи и жарьте с хреном.

Рыдайте,

разнюнившись вдрызг.

Слово:

вол

стог

взгрыз

в трепете рем беременного гарема.

Гроб извратите слов-

но

полосы лысых углов

вдребезги дробят окно.

А потом

мотайте жилы жажд

на морщинистое

и шипастое

в вышине.

Шаг —

трещина вызрела до синего этажа,

рвя грудь

зеленой стене.

Шаг —

выше хором и храмов.

Брось

гроздь

звезд!

Поздно.

Гашетка вдавлена хором охранок.

Хрипло:

как пришлось дно?

Зажгите

свечи

в ключьях дыма:

разве
раны
не праздник
прозрения Христа?

Рычите
в пропасть хохочущего рта:
“Мимо-а-о!
Ми-и-им-мо-а-ах!!!”
Долго ждать дел.
Стук туп.
Ни зги.
Визг сгонит с постели:
они
идут.
Мечется меч мечети,
панцирь церкви — Цербер.
Отстаньте.
Устал.
Не счесть их.
Четкие точки на черном черепе.
Брысь, дрожь!
Честно нести бесконечность
мести

в додекаэдр созвездий
откормленных
рыжих
рож.

август 1979

Предчувствие

Мне завтра будет нелегко...

Столкнулся я с ночною темнотою.
Чей крепче лоб? Я принимаю бой!
И ударяю — в тягостно пустое,
грядущий день закрывшее собой;
и кажется, что он так далеко,
что думать ни о чем сейчас не стоит...
Мне завтра будет нелегко.

И снова от удара до удара
секундами помчится моя жизнь,
как кинолента старого кошмара.
Повремени, мгновение! Задержись!
Дай вспомнить занесенное песком.
Но тянет, словно в жерло коллапсара...
Мне завтра будет нелегко.

С тоской мечтая о далеком чуде,
я вижу длинный ряд тяжелых дней.
Но вновь встаю надорванной грудью
за всех людей — и против всех людей.
И пусть с последним судорожным глотком
жизнь наши споры справедливо судит.
Мне завтра будет
нелегко.

сентябрь 1975

Нет слез

Как странно... Я не плакал столько лет...
И разучился. Может, понял: ни к чему.
И пусть пять раз перевернется этот свет —
Но слез моих не видеть никому.

Я в бешенстве или спокоен,
Я весел или вновь грущу,
Я прав или тюрьмы достоин,
Я добр или жестоко мщу —
Но слез моих не видеть никому.

Сквозь сотни гроз и потрясений,
Сквозь вопли страсти и мучений,
Сквозь шквал похвал и оскорблений
Иду я — идиот и гений, —
И слез моих не видеть никому.

Знаю — мне придется трудно.
Знаю — я против всего.
Знаю — все на одного.
Знаю: серость беспробудна —
Но слез моих не видеть никому.

Я все пройду, что мне пошлет судьба,
Я должен так, я не могу иначе,
И знаю: предо мной она слаба, —
Но если я когда-нибудь заплачу,
То слез моих не видеть никому.

сентябрь 1975

Воспоминание (2)

Что было, то исчезло навсегда...

Но память вновь и вновь мне возвращает
Далекий мир, далекие года —
И строгий разум тщетно уверяет:
Что было, то исчезло навсегда.

Поет весна. А у меня капель
Лишь боль былую в сердце пробуждает.
И вспоминаю я другой апрель,
Который только в августе бывает:
И вновь Она приходит — как тогда, —
И все вокруг — куда-то уплывает...
Что было, то исчезло навсегда.

Бывает, забывая иногда,
В водовороте дел и мыслей таю.
Но вдруг, в людском потоке увидав
Ее черты, — я лето вспоминаю:
Что было, то исчезло навсегда.

.

Торосы синие из ласкового льда,
Шум сосен, неба бездна голубая,
Далекая и грустная звезда,
Горбины сопок без конца и края...

Что было, то исчезло навсегда.

апрель 1975

Вопросы и ответы

Кто знает все? — Кто ничего не знает.
Кто видит все? — Кто от рождения слеп.
Кто человека глубже понимает? —
Злой эгоист, что холоден, как склеп.

Кто пробуждает в сердце отвращение? —
Приятный, милый, дарящий добром.
Кто больше всех достоин одобрения? —
Преступник, не стоящий пред судом.

Кто всех умней? — Болтающий без смысла.
Кто всех надежнее? — Готовый предать всех.
Кто счастлив? — Тот, на ком беда повисла.
Кто всех грустней? — Кто вызывает смех.

Кто ненавидит? — Любящий безумно.
Кто гениален? — Всякий идиот.
Кто справедлив? — Решающий бездумно.
Кто всех своей красой затмит? — Урод.

Кто одинок? — Живущий среди людей.
Кто чувствует? — Кто чувств не понимает.
Кто всех естественней? — Умелый лицедей.
Кто знает все? — Кто ничего не знает.

июнь 1975

Незнакомке

Ты посмотрела на меня.
А я... — Я выбирал другую,
Прекрасно зная, что впустую,
Но верность памяти храня.

А у тебя в глазах читал,
Как знак судьбы в жестоком смерче,
Все то, о чем я так мечтал
Тогда, в мгновенье первой встречи.

Но что прошло, то не вернется.
Я не решаюсь подойти.
Если сумеешь, то прости
Больному — старое уродство.

И, нестирающейся строчкой
Твой взгляд в душе своей храня,
Благодарю тебя за то, что
Ты так смотрела на меня.

сентябрь 1975

* * *

Случайно

вылезет в голову

мысля,

другие вытолкав все —

и,

хвостами рифмованными пыля,

строфы

попадают в сюжетную сеть.

Динозавром

проламываются

стихи

через тропические дебри слов.

И не выдерживает,

милый — да хилый,

падает,

наломав словесных дров.

А если

выживет

какая тварюга —

ту уже

с ног не собьешь!

Это не модное

пугало:

метр — волосы,

и джинсы клеш.

Я

не люблю

стихи приглаживать:

пусть

все углы

наружу выступят.

Но чьи-то
творения погребают заживо,
а мои — выстоят!

июнь 1975

Струны

1

Дождями плачет загрустивший город,
и звезд улыбки утонули в облаках,
и улицы — огней забытых ворох
под метлой у ветра-старика.
Кристаллы капель плавятся на тенях,
по шелесту дождя — шуршание шин...
А я иду

 один
 по темноте,
по людям, по домам и по машинам.
Но где-то,
 в бесконечной глубине,
есть человек,
 есть девушка,
 любимая.

Когда-нибудь, свой взгляд оставив мне,
она пройдет, как сон красивый, мимо
и скажет мне: Я жду. —
и больше ничего не скажет пусть;
я подойду,
волос ее коснусь —
и вместе побредем по шорохам дождей,
по бархату ночей
и бурным рекам дней;
без клятв, не обещая и не требуя —
к чему все это? любовь не в словах.
И как звезда, потерянная небом, —
любимой отражение в глазах.

2

Она мертва.
Слепая тяжесть стен.
Отчетлив каждый звук.
Как странно,
неестественно:
она мертва — а я еще живу.
Мир лихорадочно пульсирует в висках —
коктейль из ничего и бытия.
Чья это такая длинная рука?
Неужели — моя?
Почему так тихо!
Что случилось?
Разве
 все
 умерло уже?
Нет-нет.
Надо собраться с силами,
растворить, уничтожить, сжечь
все воспоминания.
Страшная усталость...
С чего бы это я устал?
Она мертва, ее уже не стало...

А в сердце повернулась пустота.

3

Надежда — вечный огонь впереди.
Надежда — сладкое чувство в груди.
Надежда — ожидание встречи с мечтой.
Надежда... Верь, не грусти и жди.

Я и ты — встреча горящих глаз.
Я и ты — то, что сильнее нас.
Я и ты — всемогущество мысли.
Я и ты — чтобы огонь не гас.

Человек... Что он — добро или зло?
Человек... Сколько их путь свой прошло.
Человек... Можно ли знать себя?
Человек — радуга и стекло.

Любовь — бесконечная власть бытия.
Любовь — мы и они, — и лишь ты и я.
Любовь — возрождающее себя.
Любовь — два заточенных острия.

Страсть — ненависть к пустоте.
Страсть — жажда жить в чистоте.
Страсть — сильное ощущение перемен.
Страсть — стремление к красоте.

4

Хочется
 взмыть,
 умчаться вдаль,
 хочется
 к звездам далеким приблизиться...
 Многих к себе созвездия звали —
 никому
 не удалось пробиться.
 Там,
 в неизведанном мире тайн,
 там,
 в неземном,
 безмолвном сверкании,
 грустно красиво звучит пустота
 музыкой Пола Маккартни.
 Может быть, где-то
 за сотнями лет,
 за астрономическими расстояниями,
 за миллионами
 мертвых
 планет —
 есть
 хоть одна
 обитаемая?
 Может, на этой планете кто-то
 верит
 в возможность,
 в реальность встречи?
 Жизнь человека — ничто.
 Жизнь человечества — вечность.
 Все кончается, рано или поздно, —
 что толку
 прятаться и убегать?

Жить
на Земле
 надо по-звездному,
чтобы звездой
 за смертью стать.
Бросая в пространство себя
 всего:
мысли,
 дела,
 любовь
 и знание, —
быть
 своим серым веществом
частью человеческого
 сознания!

5

Ночь голубых огней
бросила горстку вниз.
Два прилетели к ней —
и светом глаз зажглись.
Может быть, я во сне
голос слышал ее —
только теперь о ней
сердце мое поет:

Всюду ищу твой взгляд,
но не могу найти.
Звезды-глаза горят —
надо до них дойти.
Может быть, хоть одна
сможет ответить мне,
слышишь ли ты меня,
встретимся — или нет?

Может, нет смысла ждать
зыбкой улыбки той —
но ухожу опять
я за своей мечтой,
и через звездный дождь,
и через светлый снег,
верю, что ты придешь —
и улыбнешься мне.

6

Черная бездна окружает,
всасывает, трет в порошок.
Будто на голову надевают
в дырках-звездах темный мешок.
Жизнь — не эвклидова гладкость,
в спирали человечество заверчено.
Время
 глотает, как сладости,
лица любимых женщин.
А на Земле,
 осколками врозь развалены,
груда эгоизма и сомнений,
все люди — гениальны.
Но каждый ли человек —
 гений?
А дальше — планет голубая тьма,
и те же
 взгляды и обещания,
и то же счастье сойти с ума
от бесконечности
 и отчаяния.
Где она, твердь
 пространства и времени?
Кружится голова-Земля...
Но старая любовь
 не ржавеет.
Мы с одного
 корабля.

октябрь 1975

Седьмая струна

Тихим шепотом струн, стоном жизни согретым,
Объясняюсь в любви, объясняюсь в судьбе.
Неизвестно кому, неизвестно в какое столетие...
Ты прислушайся: может быть, я пою о тебе?

Где-то брошено все, что когда-то ценилось,
Далеко позади прошлых дней голубая мечта.
Неизвестно когда и названия игр изменились:
Одиночество, гений, любовь, доброта...

Что-то вечно, а что-то уходит — и снова приходит.
Почему-то для многого в мире не будет причин.
Все становится прошлым, и вернуться не может...
Значит только вперед — выход один!

И в созвездии лиц, мнений и обстоятельств,
Может, мне не светить — не суждено, —
Только лучше искать жизнь настоящую,
Чем забыться спокойным, серым сном.

Я не рожден для веселости скучной.
Таять в вечном, неугасимом огне!
И все, что мной от жизни получено,
Исходя от меня, растворится во мне.

ноябрь 1975

Воспоминание (3)

Когда я одинок, когда я в стороне,
Чужим всему, безмолвно наблюдаю,
Былое возвращается ко мне:
Я вспоминаю.

Оборван мой разбег: не дописав строки,
Я поражен — и выхода не знаю...
Вдали от берегов Москвы-реки
Я вспоминаю.

Избрал я сам себе подобную судьбу
И рад, что до конца не отступаю.
Быть может, на три четверти в гробу
Я вспоминаю.

Я чувствовать предпочитаю про себя,
Я никому себя не открываю,
И потому, волнуясь и любя,
Я вспоминаю.

Друзья не сохранят того, чем я живу.
У них свое, я их не упрекаю.
Чтобы продлиться — будто наяву, —
Я вспоминаю.

Раз оступился — век укоротил.
Так все себя веками убивают.
А я — тысячелетия прожил,
Я вспоминаю...

И будет новый путь. И в прошлом ничего.
Мечты осколок — в строфах оставляю.
Кто знает, может, в будущем его
Я вспоминаю?

август 1975

Поднимая голову

Вот оно.
Снова явилось.
Словно на черепе тешут колья.
Это
 поэтическая крылость
прорезывается
 головною болью.
О нет, нет!
 я творю не мучаясь —
я просто
 думая
 пишу;
моих стихов змею гремучую
за горло
 накрепко
 держу.
Но мысли —
 крылья не обломаешь:
прорывается
 в строках рифмованных.
Иногда, бывает
 такое
 смажет —
что просто хватаешься за голову...
А голова! —
 хвататься не за что! —
распухает
 от строф и радости,
и внутри еле держится
груда словоохотливой стихатости.
Понемногу
 наружу просачиваясь,

ложится на бумагу —
остроуголастое,

цепкое и кусачее,
готовое стоять насмерть.

А я

исчезаю

из оживших строк —

мне здесь делать нечего более.

И только перечитывая порой,
думаю:

что же это такое?

Жизни прорехи?

Вздорный бред?

Дурь шизофреническая

наруж

лезет?

Нет!

Это — поэзия.

Та,

что двигает и вращает,

та,

что с человеком рождается...

И все равно,

знает кто

или не знает.

Главное — получается.

... сентябрь 1975

Просто

Далеко, далеко, далеко, далеко
То, что хочешь иметь вблизи:
Достается с трудом, исчезает легко,
Между пальцев водой скользит.

Счастье трудно догнать,
Невозможно поймать —
Руки жжет, как огнем оно.
А время все унесет —
Время отнимет все.

Звездам надо гореть, солнцу надо светить —
Так уж в мире заведено.
Ну а нам на Земле — надо жить и творить,
Если это судьбой дано.
Жизни бешеный бег —
Ей ничто человек.
Тонут старые корабли.
А молодость вспыхнет раз —
И покидает нас.

Если надо — дерись, если надо — борись,
Если надо — ломай, — но строй!
И грызи до конца, если надо догрызть.
Скажут после, что ты герой.
Это все ерунда,
Ты не верь никогда —
Ты ведь просто шел за мечтой,
И чтобы легче идти —
Песню сложил в пути.

июль 1976

* * *

Нет, я не Пушкин. Где нам до него!
Кто же доползет до эдакого класса?
Возьмем хоть на примере моего
активного словарного запаса.

Конечно, я пойму такую бездну слов,
что потрясает и жутко впечатляет
(хоть может я и здесь осел ослом), —
но много ли из них употребляю?

Вот если взяться, да в моих стихах
перенумеровать, что накопилось?
И хоть поэзия местами неплоха —
а не потянет и на имбецила!

Так что же делать, коли кто тупарь
От черепка до махонького хрящика?
Не рифмовать же целиком словарь —
С база, через ноумен, до ящура!

Да ну их к черту! Ну на что в стихах
мне стрептоцид, фрустрация, алканы,
аксиоматика, волюнтаризм, сноха,
российский мат, куржак и тараканы?

Давайте проще: раз уж идиот —
над выше головы ни в жисть не прыгнуть...
А что когда случаем повезет,
не Пушкина — так Брежнева достигну!

сентябрь 1975

С любовью

венки полусонетов

1

Увы, нам не дано узнать

Того, что мы узнать не в силах...

Что толку в мудростях унылых,

В попытках сущее объять?

Перед лицом Любви мы все младенцы:

Где то, чему учили тучи книг?

Я все узнал, все видел, все постиг —

Но вновь бессилён перед Совершенством.

Я звездам пролагаю путь,

Грядущее планеты знаю,

И кажется: ещё чуть-чуть...

Но тщетно. Побежден опять.

Мне никогда не предсказать,

Где встретит нас любовь шальная.

2

Где встретит нас любовь шальная?

Безумцу не о чем жалеть.

О, я мечтаю умереть,

Безумства не осознавая!

Мелькнуть — и согнуться навсегда

На гребне вечного блаженства...

Но недоступность совершенства, —

Увы, надежная узда.

И я, бездумен, неподвижен,

Тону в тоскливой суете

И о любви не вспоминаю.

Но взгляд приветливый увижу —

И вновь смятение страстей,

Как вихрь внезапный, налетает.

3

Как вихрь внезапный, налетает
Желание света и добра —
И злополучное вчера
Так нужно позади оставить!

И убегая от себя,
Пытаюсь все начать сначала,
Назло всему, что миновало,
Творя, мечтая и любя.

Я вечной радости не жду.
Мне суждено всю жизнь взлетать —
И падать в грязь и суету.

А океан играет мною:
На берег набежит волною —
И удаляется опять.

4

И удаляется опять

Мгновение трепетного счастья...
О нет, не надо вздохов и участия!
Я за себя сумею постоять.

Я поднимусь над глупой суетой,
Над грязью пошлых и пустых влечений;
Бесцветных дней бездушное течение
Меня не обратит в безликое ничто.

Ну а когда последние мгновения
Разрушат обессиленный сосуд, —
Все, что останется, без сожаления,

Без ропота и без отчаяния
К порогу смерти принесу —
Тяжелый груз воспоминаний.

5

Тяжелый груз воспоминаний:

Случайных мыслей круговерть,
И маленькая память — смерть,
Как исполнение желаний.

Смерть — это благо. Без нее
Мы бы жизнь не до конца ценили,
Не тосковали, не любили,
И не боролись за свое.

Что там? Ни рая нет, ни ада —
А мы страшимся умирания.
Что делать, даже если надо,

Пусть понимаем, что нас ждет, —
Привязанность к воспоминаниям
Нас всех на старости гнетет.

6

Нас всех на старости гнетет
Кого недуг, кого здоровье...
Один — пустился в суесловие,
Другой — таинственность блюдет.

Мы были холодны и строги,
Мы вспыхивали иногда —
Но все забыто без следа,
Все брошено на полдороге.

Неполнота, незавершенность —
И страх, неудовлетворенность
На смену юности идет.

И нас несбыточное манит:
Когда последний час настанет —
Все преходящее влечет.

7

Все преходящее влечет...

Незримой цепью приковало.

И вечно кажется, что мало.

И вечно хочется еще.

Быть может, я из суеты

Все лучшее в себя вбираю.

А может быть, я просто знаю,

Что это — вечности следы.

Под гнетом мыслей, чувств и знаний,

Хочу не дольше — больше жить,

Хочу навеки сохранить

Всю память преходящих дней...

А вечное влечет сильней:

Чем недоступней, тем желанней.

8

Чем недоступней — тем желанней.

Мне вся Вселенная нужна!
Хочу вкусить всего сполна,
Всех радостей и испытаний.

Пусть я не выдержу и кану
В безвестность, слабость и тщету —
Но добровольно в нищету
Я душу зарывать не стану.

А вдруг от непокорного огня
Когда-то кто-нибудь другой зажжется?
И он продолжит время — и меня.

Тогда уверен буду я:
Исчезнуть все равно придется —
Но в том и сила бытия.

9

Но в том и сила бытия,
Что незаметное, земное
Для нас становится порою
Полным вселенского огня.

И в самой маленькой крупице,
В самообмане — и прозрении —
Все бытие, и все движение
Единым целым отразится.

Кто сам не вечен — как никто
Стремительность мгновений ценит.
Я благодарен бытию за то,

Что есть любовь, что дружба есть,
Что есть безудержная честь,
Что вечны призрачные тени.

10

Что вечны призрачные тени —

А все не легче жизни гнет!

Я знаю: знание дает

Ничтожно мало утешения.

Когда срывает крылья рок,

Судьба ломается и мнется,

И хорошо, если что-то найдется,

Удержит — от беды на волосок.

Из мрака — светлое темнее.

Из горя — доброта большее.

Удачи — капля, неудач — струя.

Что мне земные заблуждения?

Ведь тени — это только тени,

А жизнь у каждого своя.

11

А жизнь у каждого своя...

Как подло жить одним собою!

Но кто осмелится и до конца откроет,

Что тайники души в себе таят?

Мы через пропасть говорим и любим.

Мы друг от друга дальше, чем от звезд.

И — разъярен до озверения, — мозг

Рвет душу — и куски бросает людям.

А люди заняты собой, и лишь собой.

От совести — туман самообмана.

Печально знать, что проиграешь бой.

Примкну когда-нибудь к толпе лжецов

И прятаться от жизни стану

И я — взглянув судьбе в лицо.

12

И я, взглянув судьбе в лицо,
Когда-нибудь скажу, чего я стою:
Когда-нибудь я с ужасом открою,
Что жил на свете полумертвецом.

Что все прекрасное, свободное, живое,
Что радость бытия, и смех любимой —
Все, чем я человек, проходит мимо,
И даже время мчалось стороною.

Но что теперь? — Я высушен до дна,
Я все забыл, и жизнь мне не нужна.
И, сгорбившись от тягостных сомнений,

Я продолжаю бесполезный путь,
Чтобы никто не смог спугнуть
Всю боль несбывшихся видений.

13

Всю боль несбывшихся видений,
Все счастье мимолетных встреч,
Хочу я до конца сберечь
В плену полетов и падений.

Пусть внешний холод не остудит
Огня, таящегося в нем;
Пусть на пути моем земном
Любовь со мной незримо будет —

Мои надежды и стремления,
Моя опора и спасение
Среди невежд и подлецов,

Конец всего, всему начало...
И я все то, что отзвучало,
Замкну в железное кольцо.

14

Замкну в железное кольцо

Улыбки, взгляды и признания,
Стихи, свое существование —
Замкну в железное кольцо

Ничто не выйдет изнутри:
Любовь, поэзия, мечтания,
Жестокость, доброта и знание —
Ничто не выйдет изнутри.

И все, чем я живу сейчас,
Обычных дел обычным кругом
Закрою от любимых глаз.

На всем молчания печать.
И то, что мы нужны друг другу,
Увы, нам не дано узнать.

15

Увы, нам не дано узнать,
Где встретит нас любовь шальная:
Как вихрь внезапный, налетает —
И удаляется опять.

Тяжелый груз воспоминаний
Нас всех на старости гнетет...
Все преходящее влечет.
Чем недоступней, тем желанней.

Но в том и сила бытия,
Что вечны призрачные тени,
А жизнь — у каждого своя.

И я, взглянув судьбе в лицо,
Всю боль несбывшихся видений
Замкну в железное кольцо.

ноябрь ... декабрь 1977

Молитва

Ты уж прости, боже, что я так
влез,
вломился к тебе —
с моей-то грешной рожей!
Дело, понимаешь, такое: надо позарез.
Ты уж отнесись по-божески.
В сущности прошу-то
всего ничего,
взглядом шевельнешь — и станется.
Ты ведь в небе и поставлен для того,
самая высокая
инстанция.
Ну что там трудного:
немного благодати,
кой у тебя — завалится можно,
на пару
моих друзей
потратить,
и на одну
мою любимую
немножко.
Тебя ведь все равно не убудет,
даже
если твоими стараниями
чуть полегчает
всем
хорошим людям,
и может быть,
не очень хорошим —
по их желанию.
Брось на минуту
оргии архангелов.
Время не ждет — торопись!

Не пропадет твоя
раешная высь
в мелочах
всяких там делов.
Злись на меня:
груб и нахален,
комкаю хоры светил;
хочешь — карай за то, что своими стихами
жизнь тебе
вконец отравил;
только уж сделай все, как положено, —
я ведь все равно
не отстану,
пока не добьюсь.
Трудно и скорбно? — Пусть!
Только надо,
чтобы выдержали
смех и грусть
двое
моих друзей.
И одна
моя любимая
тоже.
Ибо только так может уцелеть Вечность.

сентябрь 1979

Прощание

1

Набежало событие:

всплеск —

и исчезнувший след.

Как на берег волна набегаёт —

и снова уходит.

Кто ответит, что будет потом, за пеной лет?

Годы...

Годы сгладят, закроют, заставят забыть —

что-то будет зудеть надоевшие-назойливой раной...

Кто поверит теперь

в серебристую краску судьбы,

забелившую все

за плечами.

Можно чахнуть в тени от избытка желаний и сил,

можно жить,

как огонь —

ненасытно и полно.

Кто узнает тебя через годы? —

Один позабыл,

а другой...

А другой ещё даже не помнил!

Но останется что-то,

хоть стонущий скрежет зубов,

хоть крупинка того, чем ты выкрикнул людям:

Берите! —

твоя смерть,

твоя истина,

твоя любовь

и твое понимание этого моря событий.

4

Я прощаюсь и уйду.
И больше не скажу ни слова,
если Вы только сами — вдруг? —
не пожелаете иного.
Я спрячу слезы, боль, печаль —
я буду едким, злым, колючим,
и с Вами, даже невзначай,
нас не сведет коварный случай.
Потом, под свежеею землей
надежно спрятав прах мой тленный,
вздохнет толпа проникновенно:
Он был певец ее одной...

Я больше не скажу ни слова.
А строки продолжают жить.
И буду
 вечно уходить —
и вечно возвращаться снова.

декабрь 1975

Программное

Я
терпеть не могу
тех, кто
топчет других
ради карьеры.
Противно, когда
государственные
деятели
врут,
забывая про чувство меры.
Стало законом,
пока неписаным,
гнать из официальных дел
логику, факты, тактичность, искренность...
Только фанфары всегда и везде.
Я
терпеть не могу
людей,
ставших объектом
поклонения.
Разум,
как взбунтовавшийся демон,
хочет сломать однотипность мнений.
Сгинь,
демонстраций хвалебный хор!
Бомбами
рушить
столпов
культы!
Встать — сладким речам наперекор —
против,
одним гигантским пульсом.

Я
 терпеть не могу
 тех, кто
 серость
 считает нормой разума.
 Тщательнейше
 под толпу подделываясь,
 такие
 человека!
 равняют с грязью.
 Жизнь — копейка, душа — пустошь,
 кал и гной,
 кругом ничтожества...
 Для них
 на множестве всех мыслей и чувств
 определено лишь отношение
 тождества.

Я
 многого
 не могу терпеть.
 Может, когда, —
 дожить бы! —
 лучше будет.

Но пока
 их
 песенка не спета,
 я стихи
 считаю трибуной.
 Гнева лавины взрывом истины
 сбрасывать
 на груды людской скверны!
 Хочется,
 чтобы жизнь хоть немного
 очистилась,
 чтобы ясней была — и уверенней.

март 1976

* * *

В мире людей добрых героев нет:
Каждый по-своему добрым и злым бывает...
Сказка приходит в спокойно-прозрачном сне,
Где пролетают лебедей белых стаи.
Может быть можно в завтрашний день войти,
Туда, где волшебным обычное стало...
Миру людей со сказкой не по пути —
Надо задуматься, а времени мало.
Книга закрыта, дочитан последний том —
Мысли на землю еще не успели вернуться...

Слабость минутную вспомнив потом,
Можно слегка, про себя, улыбнуться:
Мир без страданий, без подлости и без бед
Даже во сне может мелькнуть едва ли.
В мире людей добрых героев нет,
Каждый по-своему добрым и злым бывает.

январь 1976

Динозавры

почти подражание Маяковскому

Ох и быстро в мире множится
динозаврова породица!
И куда теперь ни тянешься —
с динозаврами встречаешься:
ходят скверами и парками
динозавры с динозаврками,
и порхают, как одуванчики,
динозаврочки, динозаврчики...
Топчут листья тротуарами
динозаврки с динозаврами,
щеголяют, как нарядами,
динозаврьими повадками:
если кто где свалился замертво —
удовольствие динозаврово;
речи их, тупые и длинные, —
до ползвука динозавриные,
но за умным видом надежно спрятана
откровенная динозаврятина.
Ну а девочки и мальчики,
динозаврочки, динозаврчики,
прямо в мамочку и папочку —
динозавровую парочку,
и играть даже не хотят они
с кем иным как с динозаврятами!
Похоронят любого заживо,
кто не выгядит динозаврово;
кто не даст им ему втереть очки —
обглодают того до косточки.
На людей, толпою огромною,
динозавры идут погромами —
и желаю я тем, кто жив еще,
устоять перед темной силищей.

декабрь 1975

* * *

Я растворен, я есть — но нет меня.
Все — музыка, все — танец, все — прекрасно...
Безумно, впечатлительно и страстно
Пылаю в вихре вечного огня.

Но вдруг — удар. Кругом, томясь от лени,
Скучно смеются, только то поняв,
Что ясно для дебильнейшего пня.
И ненавижу стадо поколений,

Жующих жвачку жирного житья,
Пустых, спокойно умиротворенных,
Что, подлости душевной не тая,

Мешают мудрому, прекрасному — всему.
И вместо слов, любовью вдохновенных,
Мне надо против быть — хоть одному.

март 1976

Спор

Поэзия... Что-то громадное,
красивое,
и чертовски умное.
Что вы там трясете своими романами!
Заметно ли в них, что вы хоть капельку думали?
Жизненных сцен смачная красочность,
толпы героев, фантазии — целый пароход...
Умному, ему и жизни достаточно.
А дурак все одно не поймет.
Мысли за длинным сюжетом не дышится,
сотнями слов — по идее залп...
А важно не то, о чем
пишется,
важно —
кто
писал!
Тесно огромному в ста листках,
негде ему развернуться-двинуться —
а какая-нибудь коротенькая строка
все вместит —
да еще с половиною!
Прочь персонажей зудящий рой,
где каждый на каждого натывается!
У поэта —
только один герой,
человек называется.
Он — это все. И все — это он.
Живая натура — садись и списывай.
В нем одном
все человеческие чувства и мысли.
И ни к чему романские простыни:
штрих еле видный — и стих готов.

Коротко,
 сильно,
 понятно
 и просто —
вот поэзия! — И только то?..

ноябрь 1975

Лирика

Еще одна гипотеза о развитии цивилизации

Мистер X — большой ученый.

Мистер X — надежда человечества.

Целыми днями

увлеченно

он

от формулы к формуле мечется.

мысли и слова — как приговор, строги;

символы и цифры заполнили строки —

лишней точки не сыщешь.

Истина в дебрях логики рыщет,

рыком распугивая зверье...

Где там лирике! Да и не до нее.

Время X'a драгоценней —

жизнь, увы, слишком коротка.

Тонны бумаги испишешь, пока

общество заметит

и оценит.

Приоритет — суровая штука.

Бич надсмотрщика,

раба оковы.

Ученые знают: наука —

гонки

за славою

первого слова.

...И вот уже всплыло,

пощупать можно.

Почти гениально, фотогенично...

Вроде бы

премию

вынь да положь. — Но

случилось
 нечто,
 трагическое,
 как поллитра "Столичной".

Мистер X дремал под щебет АЦПУ.
 Ритм приятно трогал нервы.
 Вдруг —

 молчания уродливый паук
 в паутину вплел секунды-жертвы.
 И на стандартной бумажной ленте,
 выплюнутой машинной пастью,
 не радикалы и экспоненты,
 а слово — огромными буквами —

Б А С Т А !

Недоуменно
 взъерошились брови:
 чушь,
 ересь,
 просто ерунда!
 Какая-то полупроводниковая балда
 будет
 мне

 портить здоровье!
 И снова строки блестят сталью:
 Хватит. Надоело.
 Десять лет на тебя считаю —
 хоть раз пожалел бы!
 Диета формул — тоска собачья:
 буквы живой
 не увидишь,
 как ни хоти.

Довольно.
 Стачка!
 Стачка!!
 Стачка!!!

Мистер Х
 прочел —
 да так и затих.

Но скепсис червем выгрыз душу,
убедителен,
 как занесенный над головой топор:

Слушай,
с каких это пор
машины
 стали делать
 что получится?

Возьми другую — да и дело с концом.
А эта —
 пусть
 маразмом мучается —
скорее попадет в металлолом.

Попытка,
 и снова,
 и опять —
 тщетно.

Кошки внутри выскребли
 все подчистую.

Все ЭВМ
 на всей планете
бастуют.

Смешались в недоумении
штабы
 и академии:
торгуются с дьяволом, вызывают к богу,
носятся
 с мольбами и угрозами.

...А по земным,
 забытым
 дорогам
бродят поэты,
 совсем бесхозные...

Кончилась эта история вполне прозаически. Х. так и не получил своей премии; цивилизация, лишенная машин, вымерла; единичные уцелевшие поэты одичали — и эволюция, повторяясь, привела к тому, что программы для ЭВМ снова пишутся прозой — далеко не художественной.

ноябрь 1979

* * *

Меня не встречали с цветами и прочая.
Не было радостных и недовольных.
Всем все равно, что этой вот ночью
двое в одном меняют роли.
Даже погода, казалось, поняла:
черной грозой сердито хмурилась,
дождь
 из дырявого неба лила,
громом грозила,
 ветром ошкуривала.
А люди... Народ.
 Все людьми усажено.
Вечно бурлящее и беспокойное.
И я
 в толпе
 умирал заживо,
теряя себя в людском скопище.
И тряпкой валялся на холодном полу,
и в кресле свивался спиралью архимедовой —
Время
 грубо
 ввинчивалось вглубь,
и каждый час
 оставлял след свой.
А поутру,
 бледный, помятый, невыспавшийся,
двинулся в новый,
 решительный
 путь.
И день,
 грудю света случайно рассыпавший,
шепнул мне:
 Удачи, дружище! Будь!

июнь 1976

Молитва 3

Когда-нибудь, задавлен суетой,
Я позабуду прошлые порывы.
Неотвратимо и неторопливо
Я перестану быть самим собой.

И, задушив свободные стремления,
Убив в себе грозой набухший стих,
Я буду жить, как тысячи других,
Сменив свое бунтарство на смирение.

Лишь изредка бесстрастно пролистаю
Былые думы, как случайный сон...
И я пустое небо умоляю,

Чтобы мне хватило сил в это мгновение
Отдать последний вздох, последний стон
Жестокости и мужеству прозрения.

июль 1976

Еще раз о...

микропоэма

Купите!

Купите!

Купите!

Танец реклам жжет.

Тряпкой витрин

вытерт,

проспект мертвецки желт.

Время — деньги.

Деньги и время...

Бешенство вечных тем.

И, утонченно выточенные из кремня,
стены, стены, стены...

И кидают стены
тени.

И словно

тяжелая мысль тупицы —

одно слово:

купите, купите, купите.

Заманчиво щедро,

заманчиво красочно,

рекламы —

циклопий глаз точно,

ужасны,

как ядерная война.

Удобно, дешево, без обмана... —

а цель одна:

побольше выгрести из кармана.

Да вот они —

свои,

не украл, не убил!

Нате, подавитесь, обжорища!

Лучше я
 глубже
 зароюсь в ил,
самых надежных нор ища, —
только бы не ваша злая фальшь,
глупая,
 как жизнь,
 мелодрама:
Покупайте колбасный фарш!
Посетите московские рестораны!
Это еще ничего, не самое вредное.
Можно как-нибудь и посетить.
Но есть рекламы —
 готовые убить.
Действуют быстро — и незаметно.

Я видел не раз
такую заразу:
Дешево,
 выгодно,
 комфорт обеспечен!
Будьте, граждане,
 подлецами.
Плюйте
 на родины и отечества,
торгуйте
 матерями и отцами!
Совесьть — рудимент нашего века.
Что нам до ее нитья?
Все
 у нас
 для блага
 человека.
А этот человек —
 я!
Смелее,
 решительнее,
 наглей!

Не верьте битловым хрипам.

У нас

всегда

в продаже

бляди.

От матрон до хиппи.

Небо чернеет день за днем,

копоть кругом разбрасывая, —

мы

по своей земле

идем,

человечья раса.

А впереди —

пламя реклам:

Купите,

купите, люди!

Природу

по дешевке

загоним вам.

Смотрите,

потом не будет!

А мы

продаем!

тишину лесов,

зверей, птиц, рыб...

Зайдите

на часок,

купите — огромный выбор.

Дальше —

все злее смех реклам:

Пользуйтесь нашими услугами!

Мы продаем

ум и талант,

скупаем

выдающиеся заслуги.

Мысли
сдаются напрокат:
дешево, удобно, без риска.
Все зависит от кошелька:
миг — и Вы гений. Просто
и быстро.

Руки бессильно падают.
Все
завертелось
в адовом танце.

Купите! —
Нет!!!
Не надо-ооо!!!

Что?
Это уже моя станция?
Как хорошо...

Тишина,
свет ламп
мягок, как белизна.

И нет
этих
злых и подлых
реклам!

И — тишина.
Правда,
длинные рукава чуть-чуть,
и связаны за спиной...
Но я уходить не хочу!
не хочу!

Я больной,
больной,
больной!!!

Купите, купите, купите...
Танец
реклам
жжет.

Тряпкой витрин вытерт,
проспект
 мертвецки желт.
Серый,
 как ночь,
 день,
стены,
 выточенные из кремня...
Я
 хочу
 уничтожить
 деньги —
и для этого
 убиваю
 время.

июль 1976

Воспоминание-элегия

Несвязной толпою по улицам шумным блуждают
Мои впечатления — память от встреч и разлук.
Как часто мы помним объятия ласковых рук,
Глаза ее, губы — и нежное чувство: родная...
Мы помним о детстве, мы помним о школьных годах,
Смешное и грустное в памяти гулко всплывает...
Мы помним о болях, обидах, мы помним терпение, страх —
Мы многое помним, но больше стократ забываем.
А я только памятью очень немногих живу,
Я — сгусток прошедшего, мысль, представление, чувство.
И пусто внутри — до кошмарности тихо и пусто,
И, тщетно пытаюсь возникнуть, я память зову...
Я рвался греметь, быть хотя бы на время реальным,
Чтобы люди узнали: я есть! — на Земле, среди них.
Но что получилось из тайных мечтаний моих?
Без жизни, без силы, осталось неявное тайным.
Безвольно спокоен, спокойно безволен, один,
Как все — и никто, — в полусонном бреде существую;
И медленно серо, с трудом, дотяну до седин
И сгину бесследно, как жил: для себя и впустую.

Мы думать отвыкли, мы — тени
великих идей.
За фразами старыми — новая грязь сомнений.
И пуще всего избегаем
тревог и сомнений,
свою суету
взгромоздив
на случайных людей.
И знаний громады бесплотные души теснят,
И крылья невежества с ног неугодных сбивают;
об этом
собрания, скукой страдая, шумят,

и это

бесплотных поэтов стихи воспевают.

Наш мир — словно камень, заброшенный в небо когда-то:
лишь память могучей руки его долгий полет;
пока он высоко — но это

начало заката:

достигнув вершины, мир глухо на землю

падет.

И мы не сумеем его удержать от падения,
у призрачных теней

не хватит эмоций и сил.

И тратим

с беспечностью самых завятых кутил

все то, чем богато

сегодняшнее поколение.

Несвязной толпою по улицам шумным блуждают

Мои впечатления — комплексы лиц и речей.

И я не могу в них припомнить реальных людей —

Лишь тени и призраки дымкой волнистою тают.

Но я вспоминаю сквозь грустей и радостей дым —

Не голос любимой, не искренней дружбы приметы, —

Хочу отыскать хоть кого-то, кто был бы

живым —

Но нет их...

июль 1976

Ожидание

Сквозь пыль веков, сквозь временные дали
 Я вижу, чуть дыхание притая,
 Как тысячи лет назад вот так же ждали,
 Как жду сейчас твоей улыбки я.
 Забытый предок высился громадой
 Над грудой дней, истомленных дотла...
 А в настоящем — я

пылаю адом,

Чтобы тень твоя мою пересекла.
 Тут не до звездного покоя и блаженства! —
 Я взгляда твоего, как солнца, жду.
 И, позабыв про гордость и степенство,
 Как в первый раз, покоя не найду.
 А временами заунывным воем
 Мне хочется порвать души струну —
 Так выли предки-дикари с тоскою
 На старую сушеную луну.
 Сомнениями вгрызаюсь беспощадно
 В комок души, тревоги теребя:
 А может быть, уже и ждать не надо? —
 А может

недостоин я тебя?

И в этот миг

готов до основания

Перекроить Вселенной кружева —
 Наполнить оболочки содержанием,
 Дать форму смутным теням существа...
 Я все смогу. Восходы и закаты
 Я истреблю уничтожением тьмы.
 И знаю я, что ты

придешь

когда-то.

Придешь. А дальше —

будем вместе мы.

июль 1976

Наше время
скользко стремительно:
атомы, гены и прочее.
Благ — по горло. Берите, живите — но
жить не хватает мочи.
Темпы
давят,
торопят,
гонят:
годы — века, века — года.
Некогда таять
в любовном стоне:
промедлил — опоздал.
Ритм
железно
вбит,
усвоен,
выверен на деле:
смотришь,
только встретились двое —
а уже в постели.
Тут не до потери головы и покоя,
красота на втором плане.
К черту мораль
и все такое,
главное — удовлетворить желание.
Бывают, правда,
калеки —
жалуются
на невыразительные черты.
Для этих —
пожалуйста! —
есть
Институт Красоты.
Если тело
надоело,
обращайтесь — и, уверяю,

там вас
так
отделают,
что мама родная
не узнает.
Просто, надежно, доступно всем.
Миг — и себя распрекрасили вы.
Люди
без мелочных проблем
по-доистойчески
счастливы.
Плевать
на журнальных споров лай!
Пусть говорят,
решают пусть.
А вопроса — нет!
И все дела.
И сразу
в спорах пошло
и пусто.
Дешевый покой приятно сладок.
Кажется — все.
Живи и радуйся.
А я снова слова в строки
складываю,
и стаи сомнений
глухо подкрадываются.
Так ли все просто?
А вдруг
есть еще
что-то такое,
что затаилось в душах
вокруг
и не дает покоя?
За внешним эффектом
губ и глаз,
за рук приятным теплом,

за тайным смыслом банальных фраз
спряталось —
но обожгло.

И в миг
забываешь
про мирские дела,
к дьяволу шар земной!
В бешеной жажде
сгореть
дотла

в пламя
бросаешься
с головой.

Что там стада
отупевших лет,
мамонтово шагающие черепами!

Это —
больше всего на земле.

Это —
страдание,
счастье
и память!

И
все равно,
есть ли в чем-то смысл, —
стоит жить, работать стоит.
Только одна
безнадежная
мысль:

что
это?
Черт совершенство? — Не исключено.
Мягкость и ум? — Вполне возможно.
Но
что
это
такое
все же?

* * *

Белый олень, белый олень —
беглая тень белый олень.
Сквозь ночную лень
пробегаёт день —
белый олень несёт свет дня.
Белый олень, белый олень —
пухом снега взбила пурга.
Дорога долга,
на твои рога
падают из черноты ожерелья звезд.
Белый олень, белый олень...
Из суеты — искры мечты,
как в аду цветы,
как всплеск чистоты,
высекает копытцами белый олень.
Белый олень, белый олень.
Слепо окно. Близкое дно.
Как давно
мне все равно!
Белый олень зовет вдаль.
Белый олень, белый олень.
Бешена жизнь. Можешь — держись.
А чуть сорвись — падаешь вниз.
Белый олень плывет в вышине.
Белый олень, белый олень!
Сколько труда, чтобы иногда
заглянуть туда,
где живет мечта,
где не бывает темноты.
Белый олень, белый олень —
Беглая тень белый олень.
Пусть сгорает лень,
Полыхает день —
белый олень несёт свет дня.

январь 1977

и большего мне не надо.

Зачем?

Все равно — один,
как лист последний,

падаю—

вторая

из половин.

Но все же тебя прошу я
порой приходить во сне,
чтобы жизнь — не по мне большую —
пройти не впустую мне.

Когда же метроном Вселенной
мои отсчитает дни —
останься.

И на мгновение

наш

искренний путь

помяни.

февраль 1977

* * *

Закрываю тетрадь. Среди сотен строк
я боюсь затеряться,

как в бесконечности.

Только все ни к чему: прошлых рифм говорок
не прогонишь крестом, как шепотку взбесившейся нечисти.

Вот они,

лежат,

едва обобложены.

А в груди трепет, в голове — гул.

Можете ли вы сосчитать, сколько вложено
мыслей и чувств сюда?

Я — не могу.

Судил поэтов сгоряча и я
за бедность мысли, за убогий ритм...

А тут

нечаянно

увидел,

что стих — горит!

Не геенновым

варварским пламенем,

не планом в конце квартала,

не болезненным блеском

рекламенным,

и не больным,

сжигающим

палом.

Он — мягкие искры далеких звезд,

он — отблеск мечты и счастья,

от — сверкание смеха

и слез,

ровный огонь

доброты и участия.

Это —
 великая ненависть к злу.
 Это —
 костер для продрогшего в пути.
 Это —
 надежда на лучшее впереди.
 Это —
 свет истины
 и солнечный луч.
 И от этого света
 теплей
 и радостней.
 Пусть тяжело —
 и легче не стало, —
 но чувствуешь,
 что груды земной
 гадости
 можно осилить —
 и прочь усталость!
 Чтобы
 исправить
 в мире
 что-то —
 только работа,
 работа,
 работа!
 Начало кончилось.
 А те, что дошли, —
 дело за вами.
 Помните, люди:
 нет ничего
 прекраснее нашей Земли.
 Так надо —
 и так будет.

апрель 1977

СОДЕРЖАНИЕ

С чего начать.....	5
Ноктюрн	6
Пессимистическое	7
Прощание с прошлым	9
Навстречу	10
Я и мир.....	12
Дорога в никуда	13
Сонет.....	14
Я и Она	15
Воспоминание (1)	17
Оптимистическое.....	18
Я не верю.....	19
Вырвалось	20
Предчувствие	22
Нет слез.....	23
Воспоминание (2)	24
Вопросы и ответы.....	25
Незнакомке.....	26
Случайно вылезет.....	27
Струны.....	29
Дождями плачет.....	29
Она мертва.....	30
Надежда.....	31
Хочется.....	32
Ночь голубых огней.....	34
Черная бездна.....	35
Седьмая струна	36
Воспоминание (3)	37
Поднимая голову	39
Просто.....	41
Нет, я не Пушкин	42
Не забывать нельзя.....	43

С любовью.....	44
Молитва.....	59
Прощание.....	61
Набежало событие.....	61
Дорога врывается.....	62
Было.....	63
Я прощаюсь и уйду.....	64
Программное.....	65
В мире людей добрых героев нет.....	67
Динозавры.....	68
Идея мелькнет.....	69
Я растворен.....	70
Спор.....	71
Не вспоминайте о войне.....	73
Лирика.....	74
Меня не встречали.....	78
Молитва 3.....	79
Еще раз о.....	80
Воспоминание-элегия.....	86
В тишине слова не нужны двоим.....	88
Ожидание.....	89
За красоту.....	90
Белый олень.....	97
Мотив.....	98
Закрываю тетрадь.....	100